

А.Ю. Бердникова

Неолейбницеанство в России: два проекта монадологии

Бердникова Александра Юрьевна – аспирант философского факультета. Московский университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; e-mail: alexser015@yandex.ru

Статья посвящена анализу двух монадологических проектов в русской философии – «эволюционной монадологии» Н.В. Бугаева и «критической монадологии» П.Е. Астафьева. Автор исходит из предположения, что, хотя Бугаев и Астафьев являлись представителями разных сфер науки (математики и психологии), свои проекты они строили, опираясь на сходные представления: о прерывности бытия (аритмологию и теорию психического ритма); о монаде как живой «единице», наделенной деятельностной свободой воли; а также на критически переосмысленные положения «Монадологии» Лейбница. Все эти моменты отражают характерные черты малоизученного до сих пор направления русской философии – русского неолейбницеанства, а также показывают особенности рецепции мысли Лейбница в России.

Ключевые слова: Г.В. Лейбниц, Н.В. Бугаев, П.Е. Астафьев, эволюционная монадология, критическая монадология, аритмология, воля, усилие, внутренний опыт, персонализм, неолейбницеанство

Заглавная тема предполагает решение трех проблем: во-первых, в чем заключается специфика русского неолейбницеанства и как оно соотносится с оригинальной мыслью Лейбница; во-вторых, кого и по каким параметрам справедливо было бы причислить к данному направлению; и, в-третьих, какое влияние оказала «Монадология» Лейбница на русский историко-философский процесс. Мнения исследователей по этому поводу разные, но в целом можно разделить их на два лагеря: одни (во главе с В.В. Зеньковским) считают, что «русское неолейбницеанство» действительно существовало, другие же (во главе с автором второго магистрального труда по истории русской философии – Н.О. Лосским) настаивают на обозначении этого течения мысли более широким термином – «персонализм». При этом и Лосский, и Зеньковский единодушно относили к этому направлению А.А. Козлова, Л.М. Лопатина, С.А. Алексеева (Аскольдова), Н.В. Бугаева, П.Е. Астафьева, Н.О. Лосского, Е.А. Боброва.

В современных исследованиях пока не существует единого мнения по поводу правомерности отнесения того или иного мыслителя к русскому неолейбницеанству. К примеру, О.Т. Ермишин считает Лопатина «мнимым лейбницеанцем» [Ермишин, 2013а, с. 5], у которого на самом деле «ведущими идеями, управляющими логикой» стали «переосмысленные картезианские принципы» [Ермишин, 2013б, с. 31]. Другими же учеными, напротив, выявлена целая плеяда «скрытых

лейбницеанцев», к которым они относят: Г.И. Челпанова, неокантианца и психолога (опираясь при этом на свидетельство Зеньковского: «Из личных, например, бесед с Челпановым я знаю, что он в метафизике примыкал к неoleyбницианству, но нигде в печатных его работах нет, увы, и следа этого» [Зеньковский, 2001, с. 612]); П.А. Флоренского, раннего В.С. Соловьева, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, С.Л. Франка, В.В. Розанова, Е.П. Блаватскую, К.Э. Циолковского, В.Я. Брюсова и др. Одной из возможных причин такой ситуации можно считать отсутствие западной традиции неoleyбницианства (в отличие, скажем, от неокантианства), в сравнении с которой можно было бы выработать основные критерии для классификации данного направления¹. Кроме того, ситуацию осложняет отсутствие общей школы у мыслителей, традиционно относимых к русскому неoleyбницианству, из которых, по сути, никто себя последователем Лейбница не считал: Бобров именовал свое учение «критическим индивидуализмом», С.А. Алексеев (Аскольдов) (так же, как и его отец, – А.А. Козлов) – «панпсихизмом», Лопатин – «конкретным спиритуализмом», Лосский – «иерархическим персонализмом», «идеал-реализмом» и «интуитивизмом» и т. д. Но, если в качестве одного из возможных критериев взять наличие в системе того или иного мыслителя учения о монадах, то двоих представителей русского неoleyбницианства, а именно Н.В. Бугаева (1857–1903) и П.Е. Астафьева (1846–1893), мы можем причислить к этому направлению без всяких сомнений, так как каждым из них был предложен свой собственный проект *монадологии: эволюционной* (Бугаев) и *критической* (Астафьев).

История возникновения термина «монада» (от древнегреч. μονάς, родит. падеж μονάδος – единица, единое; лат. monas) уходит в глубь веков, к мысли античных мудрецов: Евклида, Пифагора, Платона и неоплатоников; философов эпохи Возрождения (Николая Кузанского и Дж. Бруно) и учению мистиков (Джона Ди, Р. Фладда, Г. Мора, Фр. М. ван Гельмонта). У Лейбница этот термин впервые появляется в работе 1698 г. «О самой природе, или о природной силе и деятельности творений...» («De ipsa natura...»); но уже в 1695 г. в работе «Новая система природы и общения между субстанциями...» он высказывает похожие идеи и объясняет, каким образом к ним пришел: «Освободившись из-под ига Аристотеля... я обратился к пустому пространству и атомам... но отказался от этого после многих размышлений о невозможности найти принцип истинного единства в одной только материи... Далее, через посредство души, или формы, существует истинное единство, соответствующее тому, чему дают название “я” в нас самих... Существуют только атомы-субстанции, т. е. единицы или реальные единства, абсолютно лишённые частей... Их можно было бы назвать метафизическими точками...» [Лейбниц, 1982в, с. 271–278].

Для Лейбница монады – это простые, непротяженные и не имеющие формы субстанции, сущности и существа [Лейбниц, 1982а, с. 412], постоянно изменяющиеся под действием своего внутреннего принципа *восприятия* (perception)², движущей силой которого является *стремление* (appetition). Находящиеся в постоянном движении и развитии монады Лейбниц также называет силами и аристотелевскими энтелехиями. По степени разумности монады делятся им на простые, или сотворенные (monades créées), наделенные малыми восприятиями (petites perceptions); души (âmes), у которых восприятия сопровождаются памятью; и духи (esprits), обладающие самосознанием (apperception). При этом монады «вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» [Там же], не могут взаимодействовать друг с другом, но связаны принципом божественной предустановленной гармонии. Каждая монада изначально содержит в себе в зачаточном со-

¹ Многие, например, S. Bowden, относят к традиции «западного неoleyбницианства» французского мыслителя Ж. Делёза, что для нас, впрочем, не несет никакой практической пользы [См.: Bowden, 2010, p. 301–328].

² При анализе «Монадологии» мы будем опираться также на первое издание оригинала этой работы на французском языке, выполненное И.Э. Эрдманом в 1840 г.: [Leibniz, 1840, p. 705–716].

стоянии информацию обо всех остальных монадах, вещах и событиях прошлого и настоящего, являясь, таким образом, «живым зеркалом универсума» [Там же, с. 421]. Это приводит Лейбница к выводу о потенциально возможном бесконечном числе миров, из которого Бог при сотворении универсума «избрал наилучший», или *оптимальный*, «соединяющий в себе величайшее разнообразие вместе с величайшим порядком» [Лейбниц, 1982б, с. 408].

В России первый перевод «Монадологии» появился в числе прочих «малых» работ Лейбница в 1890 г. в четвертом выпуске «Трудов Московского психологического общества» под редакцией В.П. Преображенского (до этого в 1887 г. в харьковском журнале «Вера и разум» по частям вышел перевод «Теодицеи», сделанный К.Е. Истоминым). Автором первого перевода «Монадологии» на русский язык был представитель Юрьевской (до 1893 г. – Дерптской) школы философии, ученик Густава Тейхмюллера, Евгений Александрович Бобров (1867–1933). А так как и Бугаев и Астафьев являлись активными членами Московского психологического общества (МПО) с момента его основания в 1885 г., то, скорее всего, перевод Боброва был знаком им обоим.

В основе монадологических проектов Бугаева и Астафьева лежали сходные методологические принципы аритмологии (от др. греч. ἀριθμός – число) и теории психического ритма, что, по мнению С.М. Половинкина, было характерной чертой всего русского персонализма в целом: «Для русского персонализма, сложившегося в конце XIX – первой половине XX в., характерно полагание мира аритмологически расчлененным – счетным, зернистым, состоящим из отдельных единиц-монад» [Половинкин, 2015, с. 8].

Николай Васильевич Бугаев, известный русский ученый-математик, профессор, основатель Московской философско-математической школы, начал заниматься теорией прерывных величин, вернувшись в 1865 г. из заграничной командировки (длительшейся 2,5 года), в ходе которой он в Берлинском университете, Сорбонне и Коллеж де Франс слушал лекции известных ученых-математиков того времени: Ж. Бертрана, К. Вейерштрасса, Ж. Дюгамеля, М. Шаля, Э. Куммера, Г. Ламе, Ж. Лиувилля и др. [См.: Саввина, 2014, с. 216–217]. По возвращении в Россию Бугаев защитил в 1866 г. докторскую диссертацию «Числовые тождества, находящиеся в связи со свойствами символа “E”». Результаты исследований в области аритмологии и теории прерывных величин были изложены им в работе «Математика и научно-философское мирозерцание» (Киев, 1898).

Бугаев представлял метод аритмологии (теорию прерывных функций) как альтернативу методу математического анализа (теории непрерывности), в основе которого, как он считал, лежат принципы дифференциального и интегрального исчисления Лейбница. «Истины анализа отличаются общностью и универсальностью, истины аритмологии же носят на себе печать своеобразной индивидуальности, привлекают к себе своею таинственностью и поразительною красотою» [Бугаев, 1905, с. 353], и в этом, как полагал Бугаев, заключается принципиальное различие аналитического и аритмологического методов. В то же время аритмология не противопоставлялась Бугаевым аналитическому методу, но мыслилась им как дополнение, как «следующая ступень» в развитии науки после него: «Можно даже сказать, что непрерывность есть прерывность, в которой изменение идет через бесконечно малые и равные промежутки» [Там же, с. 352].

Об аритмологическом методе Бугаева уже после его смерти восторженно отзывался в газете «Новое время» известный публицист Михаил Осипович Меньшиков («Звезды и числа», 1904; «Вечное воскресение», 1905): «Известно ли вам, что такое аритмология?... Метод, колеблющийся не что иное, как закон причинности... Не всякая причина имеет соразмерное следствие, не все подчинено року, есть некая тайна, повелевающая неизбежному, и наша индивидуальность может быть сильнее смерти» [Цит. по: Алексеев, 1905, с. 26].

Идеи Бугаева развивали в своих работах его соратники по Московской философско-математической школе (МФМШ) П.А. Некрасов и В.Г. Алексеев; кроме того, они нашли отклик в ранних работах П.А. Флоренского («О символах бесконечности», 1904; «Об одной предпосылке мировоззрения», 1904; «От переводчика». [Вступительная статья к переводу: И. Кант. Физическая монадология], 1905; «О типах возрастания», 1906; «Космологические антиномии Иммануила Канта», 1909 и т. д.), в его учении об антиномиях и «трещинах» тварного бытия. Многие исследователи находят схожие с аритмологией Бугаева черты в концепциях западных мыслителей: теории множеств Г. Кантора (также оказавшего влияние на молодого Флоренского) и принципе дополнительности Н. Бора [См.: Бурлакова, 2014, с. 62–64]. Кроме того, отголоски аритмологических идей прослеживаются ими в мысли В.Н. Муравьева [См.: Половинкин, 2005, с. 190]; К.Э. Циолковского и Н.О. Лосского [См.: Шапошников, 2002, с. 122].

Еще один представитель русского неолейбницеанства, или метафизического персонализма, Петр Евгеньевич Астафьев, психолог, философ и публицист, с 1890 г. – приват-доцент историко-филологического факультета Московского университета, наиболее известный своей полемикой с В.С. Соловьевым и К.Н. Леонтьевым о соотношении национального и общечеловеческого начал, в отличие от Бугаева, не питал особого интереса к математике. Тем не менее, в одной из ранних своих работ «Понятие психического ритма как научное основание психологии полов» (1882), ставшей продолжением исследования, начатого в работе «Психический мир женщины, его особенности, превосходства и недостатки» («Русский вестник», 1881–1882), он тоже использовал теорию прерывности в качестве метода. Исходные посылки двух мыслителей были одинаковыми: в своей работе Астафьев противопоставлял учению о «постоянном отношении *длительности* психических деятельностей и состояний» [Астафьев, 1882, с. 8] теорию *психического ритма*, что, как полагал он, привносит в психологию категории *меры* и *качества* и позволяет измерять те или иные явления с точки зрения *силы* их воздействия друг на друга [Там же, с. 15]. Ссылаясь на «Физическую психологию» В. Вундта и «Медицинскую психологию» Р.Г. Лотце, Астафьев подчеркивал, что главными достоинствами его теории являются: во-первых, выявление *связей* различных функций и объектов нервно-мозговой деятельности; и, во-вторых, возможность изучения каждой отдельной живой человеческой личности со всеми только ей присущими индивидуальными особенностями [Там же, с. 16].

Особый интерес для нас представляют прения, возникшие в Московском психологическом обществе (МПО) в 1887–1889 гг. по поводу доклада председателя Общества Н.Я. Грота о свободе воли, за которым в течение короткого времени последовал еще ряд работ на эту тему, среди авторов которых были: Н.В. Бугаев, Л.Н. Толстой («О понятии жизни»), Л.М. Лопатин, Н.А. Зверев, П.Е. Астафьев. В прениях кроме них приняли участие С.С. Корсаков, А.А. Токарский (написавшие затем отдельные работы для третьего выпуска «Трудов МПО», посвященного этому вопросу); а также В.С. Соловьев, Д.Н. Цертелев, С.Н. Трубецкой и др.

По признанию Астафьева, он начал изучение данной темы еще в 1874 г. [Астафьев, 1889а, с. 269]. Проблема воли как сознаваемой нами в себе «деятельной силы» [Астафьев, 1873, с. 102] была частично сформулирована им уже в первой монографии «Монизм или дуализм? Понятие и жизнь» (1873). Известно, что в последние годы жизни (он умер в 1893 г.) Астафьев писал значительный по объему и содержанию труд «Опыт о свободе воли», который был издан в 1897 г. посмертно. Как отмечал Алексей Ив. Введенский, подготовивший эту работу к публикации, значительная часть ее была использована Астафьевым в качестве первых четырех глав реферата «К вопросу о свободе воли», который вместе с работами других мыслителей вышел в третьем выпуске «Трудов МПО» [Введенский, 1897, с. 1].

Ключевыми для философской и психологической концепции Астафьева были понятия *усилия* и *внутреннего опыта*, сформулированные в рефератах, прочитанных им на заседаниях Общества в 1888–1889 гг.³ Опираясь при этом на концепцию «философии воли» французского спиритуалиста Мен де Бирана (1766–1824), он выступал против деятельностного (детерминизм, «феноменизм» Дж. Ст. Милля) и трансцендентального (Кант, Шеллинг, Шопенгауэр) понимания свободы, основанных на принципах причинности и достаточного основания Лейбница, предлагая вместо них свободу личного усилия субъекта: «...человек свободен, сознавая себя свободным» [Астафьев, 1889а, с. 91].

Бугаев в своем докладе о свободе воли, прочитанном на заседании МПО 4 февраля 1889 г., тоже исходил из понятия *усилия* как первоначального факта сознания, ссылаясь, опять же, на Мен де Бирана и его ученика Теодора Жуффруа (Théodor Jouffroy). Он полагал, что свободная воля есть «сознательная, мотивационная или целесообразная активная деятельность» [Бугаев, 1889, с. 200], становясь тем самым, как и Астафьев, на позицию *индетерминизма*.

7 ноября 1892 г. Бугаев выступил с рефератом на тему «Основные начала эволюционной монадологии» на очередном заседании МПО. Текст реферата был опубликован позже в 17 номере «Вопросов философии и психологии» (1893), затем (в том же году) вышел отдельным изданием. На заседании присутствовали П.Е. Астафьев, Л.М. Лопатин, Н.Я. Грот, А.А. Токарский, С.Н. Трубецкой.

По форме своей «Монадология» Бугаева была так же разбита на краткие параграфы, как и сочинение Лейбница. Можно усмотреть параллели и в истории создания этих двух произведений. «Монадология» не была задумана Лейбницем как программное сочинение, не имела названия и не предназначалась к публикации; она была, по сути, кратким изложением основ Лейбницевой философии, предназначавшимся, по одним сведениям, принцу Евгению Савойскому, по другим же, – французскому придворному Николя Рамону⁴. Бугаев же, как вспоминал впоследствии его сын, известный поэт Андрей Белый (Б.Н. Бугаев), на вопрос «Почему вы не изложите вашей философии в книге?» отвечал «Потому что мне надо написать не книгу, а четыре книги, а где взять время: ведь я – математик». [Андрей Белый, 1989, с. 63]. В результате «4 ненаписанных книги он сжал в тезисы; и перечень тезисов – его брошюра “Основные эволюционной монадологии”» [Там же].

Монады в учении Бугаева представляют собой «живые единицы», «живые элементы», «самостоятельные и самодеятельные индивидуумы, обладающие потенциальным психическим содержанием» [Бугаев, 1893, с. 2]. Главным отличием его системы от изначального учения Лейбница являлось отрицание «самозамкнутости» монад, невозможности общения между ними. Бугаев доказывал обратное, формулируя два закона: *монадологической косности* и *монадологической солидарности* [Там же, с. 9], согласно которым монада, изолированная от окружающего мира, останавливается в своем развитии; и напротив, психическое развитие монады возможно только в ее отношениях с другими монадами, в процессе «*экстенсивного совершенствования*» [Там же, с. 10]. Движущей силой монад в этом процессе Бугаев считал *любовь*, конечной же целью – «стремление стать вне мира или над миром, сделавшись предварительно миром или через мир» [Там же, с. 13].

³ В предисловии к отдельному изданию реферата «К вопросу о свободе воли» Астафьев упоминает свой доклад «Внутренний опыт как начало всеобщего мировоззрения» от 10 октября 1889 г. [См.: Астафьев, 1889 б, с. III].

⁴ Одну из возможных версий создания «Монадологии» Лейбница выдвинул профессор Петербургской духовной академии, доктор богословия В.С. Серебренников (1862–?), изучавший психологические и пневматологические аспекты учения Лейбница. Он предположил, что «Монадология» предназначалась для принца Евгения, Николя Рамону же был отправлен другой текст, впоследствии получивший название «Начала природы и благодати, основанные на разуме» («Principes de la nature et de la grâce, fondés en raison», 1714) [См.: Серебренников, 1908, с. 34].

Так же, как Лейбниц выделял по степени разумности простые монады, души и духи, Бугаев делил их по степени совершенства на монады первого, второго, третьего и т. д. порядков, где первый порядок являлся наивысшим: «Монады второго порядка могут образовать монаду первого порядка. При этом монада первого порядка образует для них тот мир, или то условие, или одно из условий, за пределы которого они вообще не переходят, пока существует монада первого порядка» [Там же, с. 5]. Кроме того, монады у Бугаева обладали способностью объединяться в сложные комплексы с внутренней иерархией (диады, триады и т. д.). В чем заключалось принципиальное отличие между монадами разных порядков и комплексами монад, Бугаев не указывал. Л.М. Лопатин в своей речи, произнесенной на торжественном заседании МПО 14 марта 1904 г., посвященном памяти Бугаева, назвал этот момент самым оригинальным и в то же время наиболее слабым во всей концепции Бугаева, так как он оставлял неясным вопрос, каким образом «я» или «психическое единство» возникает у «сложных монад» [Лопатин, 1904, с. 177].

Горячий интерес доклад Бугаева вызвал у П.Е. Астафьева, который присутствовал на его обсуждении в МПО. В своем ответном слове он «заявил, что тема реферата Н.В. Бугаева необыкновенно интересна и касается самых жизненных вопросов философии; для него лично она имеет большое значение, ибо он убежден, что задача метафизики сводится к познанию субъекта и потому монадология должна быть положена в основание метафизики» [Дополнительный протокол..., 1893, с. 105], но при этом раскритиковал проект «эволюционной монадологии» Бугаева за теоретическую необоснованность и антропоморфизм. В то время Астафьев как раз был занят написанием труда «Вера и знание в единстве мировоззрения», в котором надеялся выразить основные моменты своего учения. По-видимому, спор с Бугаевым отчасти поспособствовал тому, что в 1893 г. появилась семнадцатая, завершающая глава этого произведения под названием «Опыт начал критической монадологии». В предисловии к этой работе Астафьев косвенно намекает на монадологию Бугаева, ставя перед собой цель изложить «основания реального взаимодействия между психическими существами, монадами (взаимодействия, прямо отрицаемого в монадологии Лейбница, и допускаемого эмпирически, как факт, но совершенно непонятного, необъяснимого, в новейших монадологиях)» [Астафьев, 1893, с. I].

В «Критической монадологии» Астафьева можно выделить два «тематических блока»: 1. Критика «догматизма» в «Монадологии» Лейбница; 2. «Монадология на почве критического изучения внутреннего опыта» [Там же]. В философии Лейбница Астафьев видит четыре «гипотетических» и «искусственных» момента: а) монада является зеркалом универсума («представляет вселенную»), а не самой себя; б) неочевидность доказательства существования бесконечного числа других монад и внешнего по отношению ко мне мира; в) проблема психофизического параллелизма: неочевидность связи души и тела; г) проблема предустановленной гармонии: неизвестная природа силы, объединяющей замкнутые в себе монады в единую вселенную [Там же, с. 186–187]. В поисках очевидных объяснений и твердых оснований для своего проекта монадологии Астафьев обращается к «первому, несомненнейшему и реальнейшему из всех знаний и видов бытия, – внутреннему опыту» [Там же, с. 187]. Только во внутреннем опыте, согласно Астафьеву, нам дано знание о самих себе и *границах* нашего я, что и является неоспоримым доказательством существования других монад-волей, окружающего мира и единой трансцендентной Воли, творящей вселенную. С точки зрения «Я» (*внутренней точки зрения*), мой индивидуальный внутренний опыт неповторим (так как только я могу ощутить его в полной мере); во *внешних* же проявлениях (в поведении, языке, творчестве) внутренний опыт, напротив, показывает «наибольшую одинаковость» [Там же, с. 200] всех людей, являясь главным условием общения между монадами, главным *связующим* принципом в мире. Таким образом, Астафьев, критикуя принцип предустановленной гармонии Лейбница, сам формулирует подобное учение, которое мы могли бы

охарактеризовать как принцип предустановленной *очевидности внутреннего опыта* субъекта. М.А. Прасолов полагает, что «снять это противоречие персоналистического учения о субъекте» возможно, проанализировав «связь с самоопределяющимся актом» воли, лежащую в основе внутреннего опыта, с помощью категорий *энергии* и *энтелехии*, что позволило бы Астафьеву «выйти за пределы субъекта» [Прасолов, 2007, с. 105]. Но, к сожалению, оставаясь в рамках своей персоналистической метафизики, Астафьев просто не смог (или не успел) сделать этот шаг.

В целом, чтобы прояснить те проблемы, которые мы обозначили в начале статьи, можно обратиться к работе «Лейбниц в русской философии второй половины XIX века» («Вестник Европы», 1916 г.) философа и литературоведа рубежа XIX–XX вв. Т.И. Райнова, который выделил в русском лейбницеанстве два направления: «Школу Тейхмюллера-Козлова», в которой все мыслители были непосредственно связаны друг с другом, и группу самостоятельных мыслителей, существовавших отдельно друг от друга, к которым он относил Н.В. Бугаева, В.С. Соловьева, Л.М. Лопатина и Н.Я. Грота [Райнов, 1916, с. 286]. Можно лишь дополнить эту схему, добавив ко второй группе два монадологических проекта Н.В. Бугаева и П.Е. Астафьева, которые были идейным образом связаны друг с другом, но в то же время вполне самостоятельны.

Концепции Бугаева и Астафьева в своем основании имели немало сходных черт. К ним можно отнести, например, концепцию прерывных величин (аритмология у Бугаева; у Астафьева, соответственно, – теория психического ритма), учение об индивидуальной живой личности, наделенной свободой воли и т. д. Можно утверждать с большой долей вероятности, что, будучи активными членами Московского психологического общества с момента его основания, они оба были знакомы с первым сборником работ Лейбница, вышедшем в русском переводе в четвертом выпуске «Трудов МПО» (1890 г.), в том числе, как отмечалось выше, и с переводом «Монадологии», выполненным Е.А. Бобровым. Учение Лейбница о монадах оказалось созвучно идеям как Бугаева, так и Астафьева, несмотря на то, что эти мыслители являлись представителями разных отраслей знания, таких как математика и психология. «Эволюционная монадология» Бугаева появилась на год раньше работы Астафьева, что мотивировало последнего написать свою версию «Монадологии», назвав ее «критической» (сведения об этом можно почерпнуть из протокола обсуждения реферата Бугаева на заседании МПО от 7 ноября 1892 г.).

Оба мыслителя критиковали (порой совсем не в мягкой форме) изначальную теорию Лейбница за, как они полагали, излишний догматизм, выражавшийся главным образом в учении о взаимной непроницаемости монад и принципе предустановленной гармонии. Главным же различием этих двух проектов, на наш взгляд, являлась разнонаправленность «векторов идей» их авторов: Бугаев пытался, опираясь на критически переосмысленные идеи Лейбница, создать свое собственное учение о монадах; Астафьев же использовал «Монадологию» как одно из средств выражения своих давно и прочно устоявшихся взглядов и представлений (о внутреннем опыте субъекта, его волевом и деятельностном усилии). Подытожив все вышесказанное, следует признать, что проект Бугаева формально и содержательно был несколько ближе к аутентичной концепции Лейбница. Тем не менее, обе версии «Монадологии», каждая по-своему, отражают характерные черты такого специфического направления русской мысли, как *неолейбницеанство*.

Список литературы

- Алексеев, 1905 – *Алексеев В.Г.* Н.В. Бугаев и проблемы идеализма Московской философско-математической школы. Юрьев, 1905. 60 с.
Андрей Белый, 1989 – *Андрей Белый*. На рубеже двух столетий. Кн. 1. М.: Худож. лит., 1989. 225 с.

Астафьев, 1893 – *Астафьев П.Е.* Вера и знание в единстве мировоззрения. Опыт начал критической монадологии. М.: Унив. тип., 1893. VI + 206 с.

Астафьев, 1889а – *Астафьев П.Е.* К вопросу о свободе воли // О свободе воли. Опыты постановки и решения вопроса: Реф. и ст. членов Психол. о-ва. Тр. Моск. Психол. о-ва. Вып. III. М.: Тип. А. Гатцука, 1889. С. 269–360.

Астафьев, 1889б – *Астафьев П.Е.* К вопросу о свободе воли. М., 1889. 95 с.

Астафьев, 1873 – *Астафьев П.Е.* Монизм или дуализм? (Понятие и жизнь). Ярославль, Тип. Губ. правл., 1873. 126 с.

Астафьев, 1882 – *Астафьев П.Е.* Понятие психического ритма как научное основание психологии полов. М.: Унив. тип., 1882. 60 с.

Бугаев, 1905 – *Бугаев Н.В.* Математика и научно-философское мирозерцание // Математический сборник. 1905. Т. 25. № 2. С. 349–369.

Бугаев, 1889 – *Бугаев Н.В.* О свободе воли // О свободе воли. Опыты постановки и решения вопроса: Реф. и ст. членов Психол. о-ва. Тр. Моск. Психол. о-ва. Вып. III. М.: Тип. А. Гатцука, 1889. С. 195–218.

Бугаев, 1893 – *Бугаев Н.В.* Основы эволюционной монадологии. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1893. 20 с.

Бурлакова, 2014 – *Бурлакова Л.Г.* Методология Н.В. Бугаева, Московская философско-математическая школа и принцип дополнительности // Вестн. МГУ. Сер. 7. «Философия». 2014. № 5. С. 47–64.

Введенский, 1897 – *Введенский А.И.* Предисловие // *Астафьев П.Е.* Опыт о свободе воли. Из посмертных рукописей. М.: Унив. тип., 1897. С. 1–2.

Дополнительный протокол..., 1893 – Дополнительный протокол прений по поводу реферата Н.В. Бугаева «Основные начала эволюционной монадологии», в заседании 7 ноября 1882 г. // Вopr. философии и психологии. 1893. Т. 17. С. 105–109.

Ермишин, 2013а – *Ермишин О.Т.* От редактора // Лев Михайлович Лопатин / Под ред. О.Т. Ермишина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 5–10.

Ермишин, 2013б – *Ермишин О.Т.* Метафизика Л.М. Лопатина // Лев Михайлович Лопатин / Под ред. О.Т. Ермишина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 29–79.

Зеньковский, 2001 – *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Акад. проект; Раритет, 2001. 880 с.

Лейбниц, 1982а – *Лейбниц Г.В.* Монадология / Пер. с нем. Е.А. Боброва // *Лейбниц Г.В.* Соч.: в 4 т. Т. I / Ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В.В. Соколов; пер. Я. Боровского и др. М.: Мысль, 1982. С. 413–430.

Лейбниц, 1982б – *Лейбниц Г.В.* Начала природы и благодати, основанные на разуме / Пер. с франц. Н.А. Иванцова // *Лейбниц Г.В.* Соч.: в 4 т. Т. I. М.: Мысль, 1982. С. 404–413.

Лейбниц, 1982в – *Лейбниц Г.В.* Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душою и телом / Пер. с франц. Н.А. Иванцова // *Лейбниц Г.В.* Соч.: в 4 т. Т. I. М.: Мысль, 1982. С. 271–282.

Лопатин, 1904 – *Лопатин Л.М.* Философское мировоззрение Н.В. Бугаева // Вopr. философии и психологии. 1904. Кн. 72. С. 47–72.

Половинкин, 2005 – *Половинкин С.М.* Философский контекст Московской философско-математической школы // СОФИЯ: Альманах. Вып. 1. А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2005. С. 179–192.

Половинкин, 2015 – *Половинкин С.М.* Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М.: РГГУ, 2015. 362 с.

Прасолов, 2007 – *Прасолов М.А.* «Внутренний опыт – это я сам»: проблема внутреннего опыта в философии Астафьева // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. «Гуманитар. науки». 2007. Вып. 6 (50). С. 100–105.

Райнов, 1916 – *Райнов Т.И.* Лейбниц в русской философии второй половины XIX века // Вестн. Европы. 1916. Кн. 12. С. 284–298.

Саввина, 2014 – *Саввина О.А.* Европейский научный мир глазами магистра чистой математики Н.В. Бугаева // Историко-математические исследования. 2-я сер. 2014. Вып. 15 (50). С. 212–229.

Серебренников, 1908 – *Серебренников В.С.* Лейбниц и его учение о душе человека. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. X + 366 с.

Шапошников, 2002 – Шапошников В.А. Философские взгляды Н.В. Бугаева и русская культура XIX – начала XX вв. // Историко-математические исследования. 2-я сер. 2002. Вып. 7 (42). С. 62–92.

Bowden, 2010 – Bowden S. Deleuze's Neo-Leibnizianism, Events and The Logic of Sense's 'Static Ontological Genesis // Deleuze Studies. 2010. № 4 (3). P. 301–328.

Leibniz, 1840 – Leibniz G.W. La Monadologie // Leibniz G.W. Erdmann J.E. Opera philosophica quae exstant Latina, Gallica, Germanica omnia. Berlin, Scientia, 1840. P. 705–716.

Neo-Leibnizianism in Russia: Two Projects of “Monadology”

Aleksandra Berdnikova

Postgraduate, Faculty of Philosophy. Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: alexser015@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the two “monadological projects” in Russian philosophy – “Evolutionary Monadology” of N.V. Bugaev and the “critical Monadology” of P.E. Astafiev. Despite the fact that they belonged to different fields of science (mathematics and psychology), their projects were based on similar ideas. For example: the theory of discontinuous functions (arithmology) and the theory of psychic rhythm; idea of Monad as a living unit with an active freedom of will; and the critical rethinking of Leibniz's “Monadology”. All of these moments reflect the distinctive features of the still poorly studied movement of Russian Neo-Leibnizianism, and show the peculiarities of Leibniz reception in Russia.

Keywords: G.W. Leibniz, N. Bugaev, P. Astafiev, evolutionary monadology, critical monadology, arithmology, will, efforce, inner experience, personalism, neo-leibnizianism

References

Alekseev, V.G. *N.V. Bugaev i problemy idealizma Moskovskoi filosofsko-matematicheskoi shkoly* [N.V. Bugaev and the Problems of Idealism of the Moscow Philosophical and Mathematical School]. Yur'ev, 1905. 60 p. (In Russian)

Andrei Belyi. *Na rubezhe dvukh stoletii* [At the Turn of Two Centuries], vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 225 p. (In Russian)

Astaf'ev, P.E. *Vera i znanie v edinstve mirovozzreniya. Opyt nachal kriticheskoi monadologii* [The Faith and the Knowledge in the Unity of the Worldview. The Experience of the Origins of Critical Monadology]. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ., 1893. 206 (+ VI) p. (In Russian)

Astaf'ev, P.E. K voprosu o svobode voli. [To the Question of the Free Will]. In: *O svobode voli. Opyty postanovki i resheniya voprosa: Referaty i stat'i chlenov Psikhologicheskogo Obshchestva. Trudy Moskovskogo Psikhologicheskogo Obshchestva*, vol. III. Moscow: A. Gattsuk Publ., 1889, pp. 269–360. (In Russian)

Astaf'ev, P.E. *K voprosu o svobode voli* [To the Question of the Free Will]. Moscow, 1889. 95 pp. (In Russian)

Astaf'ev, P.E. *Monizm ili dualizm? (Ponyatie i zhizn')*. [Monism or Dualism? The Concept and the Life]. Yaroslavl': Gubernskoe pravlenie Publ., 1873. 126 p. (In Russian)

Astaf'ev, P.E. *Ponyatie psikhicheskogo ritma kak nauchnoe osnovanie psikhologii polov* [The Concept of Psychic Rhythm as a Scientific Origin of the Psychology of Sexes]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1882. 60 p. (In Russian)

Bugaev N.V. *Matematika i nauchno-filosofskoe mirosozertsanie* [Mathematics and the Scientific and Philosophical World View]. *Matematicheskii sbornik*, 1905, vol. 25, no. 2, pp. 349–369. (In Russian)

Bugaev, N.V. O svobode voli [On the Free Will]. In: *O svobode voli. Opyty postanovki i resheniya voprosa: Referaty i stat'i chlenov Psikhologicheskogo Obshchestva. Trudy Moskovskogo Psikhologicheskogo Obshchestva*, vol. III. Moscow: A. Gattsuk Publ., 1889, pp. 195–218. (In Russian)

Bugaev, N.V. *Osnovy evolyutsionnoi monadologii* [Basics of the Evolutionary Monadology]. Moscow, I.N. Kushnerev i K° Publ., 1893. 20 pp. (In Russian)

Burlakova, L.G. Metodologiya N.V. Bugaeva, Moskovskaya filosofsko-matematicheskaya shkola i printsip dopolnitel'nosti [N.V. Bugaev's method, The Moscow School of Philosophy and Mathematics and the Principle of Subsidiarity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 7 "Filosofiya"*, 2014, no. 5, pp. 47–64. (In Russian)

Vvedenskii, A.I. Predislovie [Foreword]. In: Astaf'ev P.E. *Opyt o svobode voli. Iz posmertnykh rukopisei*. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ., 1897, pp. 1–2. (In Russian)

Dopolnitel'nyi protokol preniy po povodu referata N.V. Bugaeva «Osnovnye nachala evolyutsionnoi monadologii», v zasedanii 7 noyabrya 1882 g. [The Additional Protocol of Debate about N.V. Bugaev's Essay "Basics of the Evolutionary Monadology", Session of November 7, 1882], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1893, vol. 17, pp. 105–109. (In Russian)

Ermishin, O.T. Ot redaktora [From the Editor]. In: *Lev Mikhailovich Lopatin*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 5–10. (In Russian)

Ermishin, O.T. Metafizika L.M. Lopatina. [L.M. Lopatin's Metaphysics]. In: *Lev Mikhailovich Lopatin*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 29–79. (In Russian)

Zen'kovskii, V.V. *Istoriya russkoi filosofii*. [History of Russian Philosophy]. M.: Akademiicheskii proekt Publ.; Raritet Publ., 2001. 880 pp. (In Russian)

Leibniz, G.V. Monadologiya [Monadology]. In: Leibniz G.V. *Sochineniya v chetyrekh tomakh*, vol. I. Moscow: Mysl' Publ., 1982, pp. 413–430. (In Russian)

Leibniz, G.V. Nachala prirody i blagodati, osnovannye na razume. [Principles of Nature and Grace Based on Reason] In.: Leibniz G.V. *Sochineniya v chetyrekh tomakh*, vol. I. Moscow: Mysl' Publ., 1982, pp. 404–413. (In Russian)

Leibniz, G.V. Novaya sistema prirody i obshcheniya mezhdru substantsiyami, a takzhe o svyazi, sushchestvuyushchei mezhdru dushoyu i telom [New System of the Nature and Communication of Substances, and also of the Union that Exists between the Soul and the Body]. In: Leibniz G.V. *Sochineniya v chetyrekh tomakh*, vol. I. Moscow: Mysl' Publ., 1982, pp. 271–282. (In Russian)

Lopatin, L.M. Filosofskoe mirovozzrenie N.V. Bugaeva [The Philosophic Worldview of N.V. Bugaev], *Voprosy filosofii i psikhologii*. 1904, vol. 72, pp. 47–72. (In Russian)

Polovinkin, S.M. Filosofskii kontekst Moskovskoi filosofsko-matematicheskoi shkoly [The Philosophical Context of the Moscow School of Philosophy and Mathematics], *SOFTYa: Al'manakh: Vyp. 1: A. F. Losev: oikumena mysli*. Ufa: Zdravookhranenie Bashkortostana Publ., 2005, pp. 179–192. (In Russian)

Polovinkin, S.M. *Khristianskii personalizm svyashchennika Pavla Florenskogo* [The Christian Personalism of Priest Pavel Florensky]. Moscow: Russ. St. Univ. for the Humanities Publ., 2015. 362 p. (In Russian)

Prasolov, M.A. "Vnutrennii opyt – eto ya sam": problema vnutrennego opyta v filosofii Astaf'eva ["The Inner Experience – is Me Itself": the Problem of the Inner Experience in Astafiev's Philosophy], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Series "Gumanitarnye nauki"*, 2007, no. 6 (50), pp. 100–105. (In Russian)

Rainov, T.I. Leibnits v russkoi filosofii vtoroi poloviny XIX veka [Leibniz in Russian Philosophy of the Second Half of the 19th Century], *Vestnik Evropy*, 1916, vol. 12, pp. 284–298. (In Russian)

Savvina, O.A. Evropeiskii nauchnyi mir glazami magistra chistoi matematiki N.V. Bugaeva [European World of Science in the Eye of N.V. Bugaev, the Magister of Pure Mathematics], *Istoriko-matematicheskie issledovaniya. 2-aya seriya*. 2014, vol. 15 (50), pp. 212–229. (In Russian)

Serebrennikov, V.S. *Leibnits i ego uchenie o dushe cheloveka* [Leibniz and His Doctrine of the Human Soul]. St.Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1908. X + 366 p. (In Russian)

Shaposhnikov, V.A. Filosofskie vzglyady N.V. Bugaeva i russkaya kul'tura XIX – nachala XX vv. [N.V. Bugaev's Philosophical Views and the Russian Culture of 19th–20th Centuries], *Istoriko-matematicheskie issledovaniya*, 2002, vol. 7(42), pp. 62–92. (In Russian)

Bowden, S. Deleuze's Neo-Leibnizianism, Events and The Logic of Sense's 'Static Ontological Genesis', *Deleuze Studies*, 2010, no. 4 (3), pp. 301–328.

Leibniz, G.W. La Monadologie. In: Leibniz G.W, Erdmann J.E. *Opera philosophica quae exstant Latina, Gallica, Germanica omnia*. Berlin: Scientica, 1840, pp. 705–716.